

Слушая этот искренний, полный боли рассказ, Му Фэйюнь окончательно растерялся. Когда взрослый мужчина то и дело пускает слезу, это зрелище кого угодно вгонит в ступор — он просто не знал, как на такое реагировать.

— Кхм-кхм... — Он неловко кашлянул, пытаясь разрядить обстановку, и отвел взгляд. — Послушай, я ведь не говорю, что Шэнь Цинхань плохой. Но и сидеть сиднем дома — не выход. Мир огромен, а жизнь коротка. Время летит быстрее стрелы, дни утекают сквозь пальцы, и кормить себя вечными «завтра» — гиблое дело. Неужели ты и впрямь собираешься вот так до бесконечности ждать его появления?

— У него наверняка есть причина, — глухо отозвался Мо Наньфэн. — Какая-то тайна, о которой он не может сказать. Я верю ему. Пусть хоть весь свет твердит, что Цинхань добровольно ушел за Ин Сынем, я не поверю. Ни за что.

Му Фэйюнь тут же закивал, подхватывая его мысль:

— Не веришь — и правильно! И я не верю. Что в этом Ин Сыне хорошего? Пользуется своей силой, похищает среди бела дня девиц... тьфу, то есть красавцев. Тиранит людей, используя власть — чистой воды беспредел! Мы ведь ради того и пускаемся в путь, чтобы искоренить это зло. Пойдем со мной, дружище. Мы прикончим этого выскочку, а потом вместе заберем Шэнь Цинханя и вернем его в Северную пустыню.

Наньфэн поднял голову. По его щекам все еще бежали дорожки слез, глаза опухли, но в самой глубине зрачков вспыхнула слабая искра надежды.

— Вернем Цинханя? — переспросил он. — Прямо сюда?

— Ну конечно! — Му Фэйюнь с энтузиазмом ударил кулаком в ладонь. — Судя по твоим словам, он вовсе не горел желанием уходить. Мы ведь мужчины, понимаем: Ин Сынь просто заприметил красивое лицо и не смог устоять. Готов спорить, он применил грубую силу, чтобы увести его. А ты тут заперся в четырех стенах. Чего ждешь? Пока Ин Сынь состарится и помрет, чтобы тогда отправиться в Цзибэй за своим шиди?

Мо Наньфэн промолчал, оглушенный этой простотой.

— Послушай, — продолжал Фэйюнь, — если мы не вмешаемся прямо сейчас, будет поздно. Твоего Цинханя окончательно приберут к рукам.

Мо Наньфэн вскочил, едва не опрокинув Му Фэйюня, которого до этого прижимал к полу, и вцепился в его плечи:

— Ты пришел, чтобы помочь мне спасти его?

— Ну, скажем так, — Фэйюнь гордо выпятил грудь, — моя цель — одолеть Ин Сыиня. А как только я его повергну, Шэнь Цинхань будет свободен, и ты сможешь забирать его на все четыре стороны.

— Но разве ты сможешь победить его?

— В одиночку — вряд ли. Но если собрать десять Му Фэйюней и прибавить к ним десять Мо Наньфэнов, шансы резко возрастут.

Мо Наньфэн невольно прижал руку к груди, которая до сих пор ныла после памятной встречи.

— Слухи не врут, этот человек пугающе силен, — признал он. — Когда мы схлестнулись, у меня было чувство, будто он просто забавляется со мной. Тот его удар... у меня до сих пор всё внутри болит. Боюсь, даже десятерым из нас с ним не сдюжить.

— Десять не справятся — возьмем сотню! — не унимался Фэйюнь. — Сотня не поможет — будет тысяча, десять тысяч, миллион! Не верю я, что на этого типа совсем нет никакой управы.

— Только не говори мне, что из этого миллиона я — всего лишь второй.

Му Фэйюнь рассмеялся и панибратски обнял его за плечи:

— Хватит болтать! Просто скажи: идешь или нет? Если ты мужчина, мы выйдем за этот порог и не вернемся, пока не спасем твоего ненаглядного и не разобьем Ин Сыиня в пух и прах.

Мо Наньфэн посмотрел в окно. Небо над Северной пустыней было пронзительно-синим — Шэнь Цинханю так и не довелось увидеть этой красоты.

Двум молодым людям собраться — недолгое дело. Прихватили серебра, закинули в узлы сменную одежду, оседлали резвых коней и, свистнув нагайками, покинули бескрайние пески Северной пустыни, держа путь в самое сердце Срединных земель.

Наньфэн гнал коня так, словно в него вселился бес. Он не знал ни отдыха, ни сна, скакал от зари до зари с таким рвением, что Му Фэйюнь начал опасаться за целостность собственных костей. В конце концов, когда силы были на исходе, он не выдержал и окликнул спутника.

— Постой, Наньфэн! Ты что, всерьез решил долететь до самого Цзибэя одним махом?

Тот натянул поводья и обернулся:

— А ты разве нет?

Фэйюнь только закатил глаза. Спешившись, он похлопал коня по шее.

— До Цзибэя отсюда минимум семь дней пути. Если ты не хочешь отдыхать — дело твое, но лошадям передышка просто необходима.

Поразмыслив, Наньфэн признал его правоту и тоже спрыгнул на землю.

— Отдыхай, — сказал он, протягивая руку к поводьям коня Фэйюня. — Я сам их напою и задам корму.

— Обойдусь, не маленький, — буркнул тот, пытаясь сохранить лицо.

— Я же слышу по голосу, что ты вымотался. Ложись. Я отведу лошадей к ручью, а на обратном пути посмотрю, не попадется ли какая птица или кролик на ужин. А ты, если скучно, насобирай хвороста — ночью будет холодно.

Не дожидаясь ответа, Наньфэн забрал поводья и повел коней вниз по течению. Глядя ему в спину, Му Фэйюнь недовольно фыркнул:

— Тоже мне, герой выискался. Подумаешь, коней напоить...

Поворчав для порядка, он всё же пошел собирать ветки. Когда Наньфэн вернулся с сытыми и довольными скакунами, Фэйюнь уже сидел над кучей дров, но огня так и не развел. Оказалось, что перед ним — еще один благородный господин, совершенно не приспособленный к жизни вне поместья.

— Давай я, — Наньфэн мягко отстранил товарища. Пара ударов кремнем — и сухие листья весело затрещали под языками пламени.

Му Фэйюнь просиял и легонько толкнул его плечом:

— А ты, я гляжу, мастер на все руки. Раз огонь развел, может, и рыбу поджарить сумеешь?

Мо Наньфэн, подбрасывая ветки в костер, ответил:

— Жарил и кроликов, и птицу, так что с рыбой, думаю, разберусь. Если хочешь, могу сходить поймать одну.

— Поздно уже, в темноте ничего не увидишь, — отмахнулся Фэйюнь. — Тащи что есть.

— Ладно, тогда обойдемся без рыбы. Всё равно мой Цинхань её терпеть не мог — кости

выбирать не умеет. Вечно наберет в рот, а потом всё вместе выплевывает. А вот кролика жареного он обожал, так что на них я руку набил. Пойду поищу, в этих лесах их должно быть полно.

Фэйюнь резко переменился в лице. Его уже начало подташнивать от того, что каждое предложение Наньфэн начинал с упоминания Шэнь Цинханя.

— Какого еще кролика? Они же милые, как можно их есть?

Наньфэн только моргнул, не зная, что ответить.

Фэйюнь же, не добавив ни слова, ловко запрыгнул на толстую ветку дерева, прислонился спиной к стволу и закрыл глаза, делая вид, что засыпает. Но Наньфэн лишь плечами пожал. Он привык за десять лет потакать капризам Шэнь Цинханя, так что причуды этого «золотого мальчика» его не особо задели.

В конце концов, если кролик вкусный — почему бы его не съесть?

В охоте на ушастых Наньфэн был истинным виртуозом. Ради шиди он довел это искусство до совершенства. Последние дни дома он почти не ел и не спал, снедаемый тревогой, а теперь, после бешеной скачки, голод заявил о себе в полную силу. И даже если Фэйюню кусок в горло не лез, сам Мо Наньфэн едва держался на ногах.

Дичи в лесу хватало. Стоило немного затаиться, и добыча сама шла в руки.

Наньфэн разделал и зажарил кролика с привычной сноровкой. Вскоре по лесу поплыл такой аппетитный аромат, что у спящего на дереве Фэйюня предательски заурчало в животе.

— Брат Му, — окликнул его Наньфэн, поднимая над огнем золотистую тушку. — Точно не будешь?

Му Фэйюнь приоткрыл глаза. В неверном свете костра кроличья шкурка лоснилась, обещая божественный вкус, и от одного этого вида слюнки текли рекой. Но, вспомнив свою недавнюю обиду, он демонстративно отвернулся.

— Не буду, — бросил он ледяным тоном.

Наньфэн лишь вздохнул. Ему казалось, что Шэнь Цинхань — самый привередливый человек на свете, но, похоже, он ошибался.

Наевшись и напившись, Наньфэн не стал лезть на дерево. Подбросив дров, он устроился прямо у корней, прислонившись спиной к стволу. Фэйюню же на ветке не спалось: пустой желудок

требовал своего, и как бы он ни ворочался, удобного положения найти не мог. Раздражение росло, особенно когда он увидел, что Наньфэн внизу безмятежно дремлет.

От несправедливости бытия Фэйюнь сорвал толстую ветку и, метко прицелившись, запустил ею Наньфэну прямо в затылок. В стрельбе из лука он практиковался с детства, так что промахнуться по неподвижной цели для него было немыслимо.

Получив удар, Мо Наньфэн подскочил как ошпаренный, мгновенно приняв боевую стойку. Он испуганно озирался, как загнанный зверек.

— Цинхань? Шэнь Цинхань? — выкрикнул он в пустоту.

Цинхань, опять Цинхань... Похоже, это имя преследовало его даже во сне.

Но сколько ни зови, ответа не последовало. Тишину нарушал лишь треск костра. Наньфэн огляделся по сторонам и, наконец придя в себя, посмотрел вверх, где затаился Фэйюнь.

Тот лежал к нему спиной, всем своим видом выражая крайнюю степень безразличия. Это молчаливое «не желаю с тобой знаться» напомнило Наньфэну повадки шиди — тот тоже мастерски умел точно так же отворачиваться.

Утром, когда Му Фэйюнь, разбитый и голодный, всё же разлепил глаза, он обнаружил, что лагерь уже свернут. Костер был засыпан землей, кони накормлены, а перед ним лежал большой лотосовый лист. Внутри обнаружилась вода и еще теплый, бережно завернутый кусок жареной рыбы.

Фэйюнь недоверчиво потрогал сверток. В голове роились мысли, но вслух вырвалось лишь: «Я чуть с голоду не помер, а он, когда рыбу жарил, даже запаха не поднял?»

Наньфэн подошел, ведя лошадей под уздцы.

— Не хотел тебя будить, поэтому ловил и жарил рыбу ниже по ручью. Ешь скорее, и в путь.

Фэйюнь отпил воды и неловко спросил:

— Твой Цинхань ведь не ест рыбу? Откуда ты так хорошо умеешь её готовить?

— Жарил так же, как кролика, — отозвался Наньфэн. — Вкусно или нет — не знаю, сам не пробовал. Ешь давай, а то у тебя в животе всю ночь так урчало, что даже мне слышно было.

— Вранье! — вспыхнул Фэйюнь. — Тебе приснилось. У такого, как я, не может в животе урчать.

И вообще, я не голоден.

Наньфэн почесал затылок.

— Неужели приснилось? Вчера так всё смешалось... Еще и веткой кто-то по голове ударил. Тоже, выходит, сон?

— Чистой воды сон, — отрезал Фэйюнь.

— Ну, раз сон, то и ладно. Ты ешь, а то рыба остынет — совсем невкусно будет.

— А ты? — Фэйюнь покосился на него.

— Я вчера наелся до отвала, до сих пор кусок в горло не лезет. Ешь сам.

Фэйюнь не стал спорить и принялся за еду, жадно откусывая куски.

Наньфэн с улыбкой наблюдал за ним. Он промолчал о том, что в том маленьком ручье такая крупная рыба — большая редкость. Ему пришлось просидеть в ледяной воде полтора часа, чтобы поймать единственную рыбину. И если бы он съел хоть половину, Фэйюню точно бы не хватило.

В конце концов, товарищ вчера за весь день маковой росинки во рту не видел, а Наньфэн как-нибудь перебьется.

<http://bllate.org/book/17523/1662226>